

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН


Мейси Эйтс

САМАЯ ВЕЛИКОЛЕПНАЯ
НОЧЬ



215

Содлазнь

 HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Мейси Эйтс

Самая великолепная ночь

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Эйтс М.

Самая великолепная ночь / М. Эйтс — «Центрполиграф»,
2015 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07458-4

Тарек пятнадцать лет провел в безжизненной пустыне. Ему незнакомы манеры и законы светской жизни. Все бы ничего, но он – наследный король государства Тахар. Молодая американка Оливия вызывается обучить его тайнам политики и придворных интриг. Но не безвозмездно. В случае успеха Тарек должен будет взять ее в жены. Прошлое не отпускает Тарека, и все попытки Оливии сблизиться с молодым шейхом оканчиваются крахом. Но жизнь научила ее не сдаваться. Оливия знает, что любой шейх прежде всего мужчина...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07458-4

© Эйтс М., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мейси Эйтс

Самая великолепная ночь

Bound to the Warrior King

© 2015 by Maisey Yates

«Самая великолепная ночь»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Бледная кожа и светлые волосы, стянутые в тугий элегантный пучок. Платье до пола с длинными рукавами не спасет европейскую кожу от обжигающего солнца Тахара. Это он провел двенадцать лет под палящим солнцем пустыни, а для нее и полдня здесь могут закончиться в больничной палате.

Советник настоял, что именно она подходит на роль жены тахарского шейха. Но очевидно было другое: советник должен стать следующим, кого новый тахарский шейх уволит за несоответствие должности.

Политический альянс – вот чем должен был стать их будущий брак. Совсем не разбираясь в политике, теперь Тарек жаждал понять все перспективы такого союза.

И все же нет. Он смотрел на нее сейчас и...

Нет, не подходит.

– Уберите ее с моих глаз, – отмахнулся Тарек.

Она подняла на него глаза. Выражение ее лица все еще казалось добрым, но во взгляде уже сверкали искры холодной стали.

– Нет, – отрезала невеста.

Тарек поднял одну бровь:

– Нет?

– Я не могу уйти.

– Еще как можешь, – парировал он. – Точно так же как пришла.

Кто не мог уйти, так это Тарек. Где ему искать успокоения? В пустыне? Он и так был изолирован от мира большую часть жизни. А теперь должен учиться управлять своей страной и своим народом.

Она гордо вздернула подбородок и отвернулась. Взору Тарека открылись аристократические линии ее профиля. Только сейчас он вспомнил, что даже не позаботился узнать ее имя.

Наверно, он слышал его две недели назад – когда ему сообщили, что свататься приедет невеста из какого-то европейского королевства. Но мозг Тарека всегда мгновенно стирал всю ненужную информацию.

– Вы не понимаете, господин шейх, – продолжила она уверенным тоном, и голос ее отдавался эхом в просторном тронном зале.

Тареку нравился этот зал, чем-то напоминающий пещеру. Вот только его новый титул звучал непривычно и резал ухо.

– Не понимаю?

– Да. Я не могу вернуться в Алансунд без гарантий, что наша свадьба состоится. Тогда мне лучше вовсе не возвращаться.

– Почему же?

– Мне нет там места. Я не родилась в королевской семье. И Алансунд мне не родная страна.

– Как так? – изумился Тарек.

– Я американка, – ответила она. – Я встретила своего мужа, царство ему небесное, когда училась в школе. Он был королем. А теперь его нет. Место короля занял его брат, который теперь ищет себе жену. Слава богу, не меня. Он уверен, что я должна выйти замуж в другой стране. Поэтому я здесь.

– Как тебя зовут? – наконец спросил Тарек.

На ее лице отразилось замешательство.

– Вы не знаете моего имени?

– Прости, у меня не было времени на формальности.

Она вновь горделиво вздернула подбородок, на этот раз не отводя взгляд:

– Простите меня, ваше величество, но мое имя не просто формальность. Я вдовствующая королева Оливия Алансундская. И я здесь, чтобы обсудить преимущества нашего брака.

Тарек поерзал на троне, медленно провел рукой по бороде.

– Я не уверен, что в нем есть какие-то преимущества.

Она удивленно распахнула голубые глаза:

– Тогда для чего я прибыла сюда?

– Это советники решили, что мне будет полезно с тобой поговорить.

– Вы уже выбрали другую женщину?

Тарек не знал, что ответить. Женщины никогда не были частью его жизни. Жизни в изгнании.

– Нет, – ответил он. – А что?

– Предполагаю, вам нужен наследник.

В логике ей не откажешь. Тарек – последний из рода аль-Халиджей. Он – все, что осталось от когда-то влиятельной династии. Будь проклят брат за то, что не женился. Теперь ответственность полностью ложилась на Тарека, а жизнь не подготовила его к этому. Наоборот, с детства ему только и говорили, что семья – не для таких, как он. Его научили бороться с плотскими желаниями. Чтобы защитить страну, ему пришлось стать больше чем мужчиной. Он стал бездушной скалой в сухой непроходимой пустыне. И снова стать человеком из плоти и крови было теперь невыполнимым заданием.

Но что делать, когда ты один стоишь между родным Тахаром и врагами? Тарек долго был мечом своего народа, а теперь должен был стать его главой.

– Возможно, – наконец ответил он.

– При всем уважении, господин шейх, королевским особам не стоит с этим затягивать. Я не смогла родить от первого мужа, ваш брат также не произвел наследника. Поэтому я чувствую себя в долгу. Мой деверь хочет на мне жениться не больше, чем я хочу за него замуж. Вы, в свою очередь, теперь постоянный глава своего государства. Зачем вам ждать, когда ваше место займет кто-то из ваших возможных племянников?

Почувствовав боль в мышцах, Тарек откинулся на спинку трона. За месяц во дворце он так и не привык к современной мебели. И кто вообще придумал эти неудобные позы для монархов?

Первое, на что Тарек обратил внимание в Оливии, – это ее невероятная хрупкость. Теперь же выходило, что он попросту был обманут ее внешностью. Человек, прошедший долгие годы в пустыне, должен доверять не только глазам. В конце концов, миражи – это не просто выдумка.

В пустыне есть только песок и палящее солнце. И все же, когда вождь бедуинского племени принес весть о смерти Малика, Тареку меньше всего хотелось возвращаться во дворец. Что он мог предложить стране? Стране, которая была частью его души. Народу, морально уничтоженному правлением его родного брата. И убийством их общих родителей.

Эту страну он клялся защищать любой ценой. Потому что, кроме нее, у него не осталось ничего. Трон и защита Тахара – вот за что лишились жизни его родители. И вот почему теперь вернулся он сам.

Почему он должен править? Почему должен исцелить едва не погубленную нацию и поднять государство из руин, оставленных Маликом?

И что немаловажно, почему он должен на ком-то жениться?

– Твоя точка зрения мне понятна, – развел руками Тарек. – Но она отличается от моей. Прежде всего, потому, что меня не так просто убить, как моего брата.

Оливия подняла брови.

– Я не хочу вас в этом разубеждать. В конце концов, моя собственная безопасность для меня на первом месте. Если у вас есть враги, то они опасны не только для вас, но и для меня. И для наших будущих детей.

Тарек ухмыльнулся:

– Ценю твою заботу обо мне и о наших, как ты сказала, будущих детях. Однако смерть моего брата была лишь несчастным случаем. Врагов у меня нет. Все диктаторы, с которыми враждовал брат, давно на небесах.

– У главы любого государства есть враги, – ответила Оливия. – Просто они не всегда на виду.

– Я не Малик. И не буду следовать его примеру.

Совсем наоборот. Тарек хотел бы править ради народа, а не ради себя. Малик запугивал массы. Игнорировал экономику. Закрывал глаза на голод. Тратился на роскошные пиршества, покупал бриллианты и шикарные дома своим куртизанкам. Он не правил, а шел на поводу у похоти. Лучше уж совсем отказаться от власти, чем использовать ее так.

Оливия медленно кивнула:

– Понимаю. Но перемены тоже порождают проблемы.

– Ты так говоришь, словно имеешь в этом опыт.

Бледно-розовые губы Оливии сложились в скромную улыбку. Нет, Тарек не понимал эту женщину. Он слишком редко бывал в женском обществе. А в обществе таких женщин не провел ни минуты.

В племенах бедуинов, которые он посещал, женщины сильны. Они привыкли к самым суровым условиям и умеют защитить себя как от налетчиков, так и от природных стихий.

– Мой муж проводил модернизацию в своей стране, – продолжала Оливия. – До него Алансунд был самой отсталой страной в Скандинавии. Король Маркус многое сделал, чтобы это изменить. – Она тяжело сглотнула. – Но перемены часто приносят боль.

Тарек кивнул:

– И теперь в вашей стране новый король.

– Да. Но я думаю, Антон будет стараться на благо людей. Мой деверь добрый человек.

– Но не настолько добрый, чтоб жениться на тебе?

– Он помолвлен и хочет жениться на своей невесте. Хотя есть в этом что-то библейское – взять в жены супругу покойного брата.

Оливия продолжала говорить, но Тарек потерял нить повествования. Он представил, что было бы, если бы Малик был женат. Нет более ужасного брака, чем брак с чьей-то чужой женой. Не важно, кто был ее мужем.

Возможно, Тарек просто ничего не знает об отношениях мужчин и женщин. Наверно, он что-то упустил, живя в пустыне.

– Это он прислал тебя сюда? Твой деверь?

Оливия медленно кивнула и подошла ближе к трону. Звук ее шагов по черному мрамору был приятен на слух. Такой незнакомый и от этого интригующий.

– Да, – ответила Оливия. – Он подумал, что вы, возможно, ищете себе королеву. А случилось так, что у нас в стране как раз есть лишняя.

Юмор в словах Оливии не остался незамеченным. Наверно, Тарек даже рассмеялся бы, если бы не разучился это делать.

– А у нас, наоборот, нехватка, – развел руками Тарек. – Что ж, логика твоего деверя мне понятна. Другое дело, что я с ней не согласен. Скажи, ты сама найдешь выход или мне позвать слугу?

Оливия не могла вспомнить, когда ее последний раз прогоняли. Если, конечно, не считать того, что Антон отправил ее в незнакомую страну предлагать себя шейху Тахара. После смерти

Маркуса она не представляла важности для страны. И обижаться на это нет смысла. В ней не текла голубая кровь. Она не родила наследника. Ничего личного, лишь законы придворной жизни.

Говоря по правде, Тарек был уже вторым кандидатом, предлагаемым Антоном. Первым стал дипломат из Алансунда, который вскоре должен был переехать в США. Поскольку Оливия – урожденная американка, в этом был смысл. Но...

Она чувствовала, что это не ее человек. Да и само возвращение в Америку казалось шагом в прошлое. А Оливия искала чего-то нового. Она всей душой хотела перемен.

Совсем недавно Тарек стал новым королем Тахара. Отличная возможность вступить в союз с такой далекой изолированной страной, богатой нефтью и другими природными ресурсами.

Антон предложил, и она согласилась. Один раз Оливия уже подвела его и не хотела делать это снова. Даже зная, что шейх Тарек ей не подходит, что он провел большую часть жизни в пустыне, она надеялась на...

Нет, Оливия даже не знала, на что надеялась.

Тронный зал был заполнен животной энергией, исходящей от Тарека. Он совсем не был похож на короля. Муж Оливии и ее деверь – культурные, образованные люди. В речах оба тщательно подбирали слова; у обоих была осанка, которой позавидуют военные; оба были экспертами в аристократических стилях одежды.

Шейх Тарек аль-Халидж не обладал ни одним из этих качеств. Он больше походил на животное, чем на человека. Сидя на сверкающем троне, он одной рукой гладил бороду, второй водил по подлокотнику трона. Ноги его широко расставлены – одна вытянута вперед, вторая согнута под тронном.

А еще он некрасив.

Выцветшие туника и льняные штаны, длинные черные волосы стянуты обычной резинкой. Нет, красота не самое сильное из его качеств.

И все же было в нем что-то, что притягивало внимание. Его глаза как камни-ониксы – бесконечно глубокие. Оценивающие.

Нет, на это она не подписывалась. Оливия видела фотографии предыдущего правителя Тахара. Он был образован и красив – чем-то даже похож на Маркуса. За такого она бы вышла замуж не раздумывая. А вот за Тарека – ни за что.

Но перспектива возвращения с невыполненной миссией тоже не радует. Что она будет делать, вернувшись? Вновь утонет в море тоски и собственной ненужности. Нет, она не станет расстраивать деверя – одного из немногих добрых людей в Алансундском дворце.

Это чувство знакомо Оливии с детства. Ощущение забытого ребенка. Потому что тогда все внимание уделялось Эмили. Следить за Эмили было первостепенной задачей. Состояние ее здоровья требовало постоянного внимания.

Оливия в тысячный раз отбросила эти мысли. Родители выполняли свой долг. А она делала то, чего ждали от хорошей сестры.

Но именно с тех пор Оливия презирала безделье. И невнимательность.

– Я прошу вас еще раз подумать, – сказала она прежде, чем успела обдумать слова.

Действительно ли ей хотелось, чтоб шейх Тарек передумал? Оливия не знала. Одна ее часть хотела поскорее улететь отсюда на том же частном самолете, что доставил ее сюда, забраться в постель и закрыться с головой одеялом.

На частном самолете...

На таком же два года назад разбился ее муж.

С тех пор Оливия боялась летать. И это еще одна проблема. Три успокоительные таблетки помогают не больше, чем апельсиновый сок перед пыткой.

Она никогда не любила летать. А гибель Маркуса лишь усилила фобию.

– Знаешь, какую функцию я долгие годы выполнял для своей страны? – спросил Тарек.
– Просветите меня, – ответила Оливия, словно перед школьным учителем.

– Я острый клинок. Я тот, кого спрятали под кафтаном. Меня не видел никто, и от этого я был в тысячу раз опасней. Я не командовал армией, а жил в пустыне. Дружил с бедуинами и тем самым обеспечивал безопасность на границе своей страны. Я обезоруживал врагов до того, как они становились врагами. Врагами моего брата. О которых он и понятия не имел. Говорят, кто живет мечом, от меча и погибает. Если это правда, то моя жизнь – это ожидание удара. И все же, как я уже сказал, меня очень сложно убить.

Неприятный холодок пробежал по спине Оливии. Если он хотел ее напугать, у него это получилось. Но вместе с тем он разжег ее любопытство. А любопытство часто пересиливает страх.

– Вас обучали монаршим манерам? – спросила Оливия.

– Умею ли я встречать послов, произносить речи и правильно держать столовые приборы?

Нет.

– Понимаю. – Оливия сделала еще один шаг к трону. Ей казалось, что она приближается к клетке с тигром. Когда знаешь, что опасности нет, но от этого не легче. – Так, может быть, я могу быть вам полезной?

– Чем именно? – ухмыльнулся Тарек, смерив Оливию недоверчивым взглядом. – Если ты о своем теле, то поверь, мне это неинтересно.

Если минуту назад Оливия ощущала холод внутри, то теперь ее бросило в жар. Она не знала, что это – смущение или злость. Он осмотрел ее и произнес эти слова. Видимо, она ему не понравилась. Но, в конце концов, какое ей дело? Она-то уверена в своей привлекательности. И Маркус никогда не жаловался. Тогда почему ее так задели слова этого неотесанного шейха?

Изо всех сил Оливия старалась не проявлять своих истинных чувств. Эмоции сейчас явно ни к чему.

– Тысячи женщин готовы отдать вам свое тело, – сказала она нарочито холодным тоном. – Но не все они должным образом воспитаны. Как я уже сказала, я американка. Моя семья не из бедных, но мы и не голубых кровей. Мне пришлось многому научиться, прежде чем стать королевой. Я могла бы обучить вас.

Выражение лица Тарека не изменилось.

– А что мне с того?

– Если не понимаете сейчас, то вскоре поймете. Сила политика не столько в клинках и мечах, сколько в дипломатии. В физической силе вам не откажешь, а вот манерам придется поучиться.

– Чтоб обучиться манерам, жениться не обязательно.

– Согласна, – пожала плечами Оливия. – Предлагаю с этого и начать.

– С чего именно?

– Дайте мне время, и я покажу, чем могу вам пригодиться. Действительно глупо, если люди женятся, не зная друг друга.

Тарек склонил голову набок:

– Вы выходили замуж, не зная мужа?

– Нет, я знала Маркуса. Мы учились в одном институте.

– Неужто это был брак по любви? – поднял одну бровь Тарек.

В животе Оливии неприятно кольнуло, кончики пальцев онемели.

– Да, – кивнула Оливия, опустив глаза.

– Обещаю, что, если мы даже поженимся, наш брак будет совершенно другим.

В этом Оливия не сомневалась.

– В общем, – продолжила она, – вам рано меня выгонять. Дайте мне месяц. Я помогу вам в общении с прессой и подданными. Если не получится, вы ничего не потеряете. А если получится, то мы решим несколько проблем сразу.

Тарек поднялся с трона. Это движение было одновременно резким и плавным. Как нападение змеи.

– Вдовствующая королева Оливия Алансундская, ваше предложение принято. Докажите за тридцать дней, что вы незаменимы. В случае успеха я возьму вас в жены.

Глава 2

Тарек махнул рукой:

– Слуга проводит тебя до покоев. – Может, вы сами меня проводите?

Оливия не знала, почему ей так важно дольше оставаться с ним. Возможно, это поможет взять ситуацию под контроль? Да, она не любит пускать все на самотек. Последние два года вселили в душу ощущение того, что она лишь камушек, летящий в космосе по воле законов притяжения. Оливия ненавидела это чувство. Оно напоминало о детстве.

Ничто не поможет понять важность вещей так, как смерть или ее угроза. Оливия близко знакома и с тем и с другим.

Как бы то ни было, сейчас не время сдаваться. И не время думать только о себе.

– Полагаешь, я знаю, где здесь гостевая? – ухмыльнулся Тарек.

Он сошел с трона и направился к Оливии.

– Это не мой дворец, – продолжал Тарек. – А брата. Сзади меня трон брата. Я ношу корону брата.

Он медленно приближался к Оливии, а она чувствовала, что с каждым его шагом теряет возможность дышать. Она не привыкла к таким мужчинам. Ее отец – вежливый, утонченный человек. Муж был образован и воспитан. Деверь всегда вел себя спокойно и рассудительно. Продолжая сравнения с космосом, Тарек был для нее черной дырой. Он всасывал в себя воздух, звуки и всю энергию вокруг. А взамен создавал пустоту, подвластную только ему.

– Но ведь почему-то вы здесь, – сказала Оливия, удивляясь своей смелости ответить хоть что-то.

– Меня надоумили советники брата. Скоро я уволю их всех до одного. Это идиоты, которых научили бездумно служить.

– Всем правителям нравится слепое подчинение.

Черные глаза Тарека сверкнули странным огнем.

– Подчинение нужно только людям. А оружие ждет, что его пустят в ход. Я и есть такое оружие.

Самообладание давалось Оливии все труднее.

– Тогда я научу вас воевать. Так, как воюют короли.

Немного не дойдя до нее, Тарек неожиданно свернул и пошел в сторону, словно выписывая дугу вокруг Оливии.

Снова холодок по спине, усиленный дрожью в коленях.

– Не знаю, о чем ты, – безразлично проговорил Тарек. – Но у тебя на это ровно тридцать дней. А теперь иди за мной.

С этими словами он направился к выходу. Оливия послушно последовала за ним. Он шел так быстро, что сравняться с ним было практически невозможно. В какой-то момент, все же догнав новоиспеченного шейха, Оливия заметила, что достает ему только до плеча. Это на высоких-то каблуках!

– Куда вы меня ведете? – поинтересовалась она на выходе из зала. – Вы же не знаете, куда идти.

– Оставь меня в пустыне с фляжкой воды, и я найду дорогу домой. Но в этом дворце все сложнее. Я привык искать дорогу по звездам и солнцу.

– Это очень интересно, но все же, куда вы меня ведете?

В этот момент в коридор вышла служанка и тут же направилась к ним.

– Вот и ты, – проговорил Тарек командным голосом. – Где мы можем разместить гостью?

Девушка остановилась как вкопанная, глаза ее округлились.

– Шейх Тарек, мы не знали, что у нас гости.

– Потому что я вам не сказал. Но думал, что мои идиоты-советники вас известят. Здесь никому нельзя поручить даже простейшее задание.

Смуглая служанка стала белее снега.

– Мне подойдет любая комната, – вмешалась Оливия, стараясь добавить хоть ноту дипломатии в монолог Тарека. – Только помогите донести сумки из машины.

Девушка кивнула:

– Есть комната в крыле господина шейха. Подготовить ее будет быстрее, чем искать другую.

Тарек сбавил шаг, и Оливия поняла – он не хочет, чтоб она жила рядом с ним.

– Я согласна! – воскликнула она прежде, чем Тарек успел возразить.

Выдержав паузу, Тарек тяжело выдохнул:

– Готовьте комнату.

Девушка кивнула и поспешила вперед.

– Вы же знаете, где ваше крыло? – предположила Оливия.

– Знаю. Иди за мной.

Они шли в лабиринте коридоров с купольными сводами, начищенными мраморными полами и серебристыми зеркалами на стенах. Если алансундский дворец был украшен драгоценностями королевской семьи, то этот дворец, казалось, был построен из них.

– Как здесь красиво, – не смогла промолчать Оливия.

Тарек остановился и посмотрел ей в лицо:

– А по-моему, угнетающе.

Сказав это, он просто пошел дальше. Оливия поняла, что удивляет ее в шейхе Тахарском больше всего. Непрístupный, как скала, он так честен в своих речах. Вот только эта честность не всегда понятна.

– Наверно, тем, кто пожил под открытым небом, сложно привыкнуть к каменным стенам, – предположила Оливия.

– Я привык к каменным стенам. Я долго жил в пещерах. В заброшенной деревне посреди пустыни.

Несмотря на жгучее желание расспросить его подробней, Оливия понимала, что момент для этого неподходящий. К тому же зачем ей это? Ей не нужно знать его историю. Она должна просто женить его на себе.

Возле очередных декорированных дверей Тарек остановился. Оливия догадалась, что за ними – ее комната на ближайший месяц. Не говоря ни слова, Тарек толкнул дверь.

– Вам говорили, что вы блестящий собеседник? – спросила Оливия.

– Нет, – отрезал Тарек.

Сарказм Оливии не попал в цель.

– Неудивительно.

– Беседы мне были ни к чему.

Почему-то в этой фразе слышалась бездонная тоска. Но еще удивительней, что в этот момент Оливия ощутила странную связь с шейхом Тарексом. Они оба попали в ситуацию, к которой не были готовы. Оливия потеряла статус, как потеряла человека, который стал частью ее самой. А Тарека выдернули из пустыни, чтоб он делал то, к чему не был приучен.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказала Оливия, сама не зная, кого подбадривала – Тарека или себя.

– В противном случае ты просто вернешься домой.

– Там не мой дом. Сейчас у меня нет дома, – призналась Оливия.

– А у меня есть. Но я не могу в него вернуться.

– Возможно, наш общий дом будет здесь.

На секунду она попыталась представить себя женой шейха Тарек, но потерпела фиаско. Однако возвращаться в Алансунд было еще хуже. Видеть, как деверь сидит на троне, ранее принадлежавшем Маркусу. Смотреть, как его невеста занимает место самой Оливии.

– Я проводил тебя до покоев, – проигнорировал ее слова Тарек. – Моя миссия выполнена.

– Так и есть, – ответила Оливия, входя в просторную комнату. Непохожую на ее покои в Алансунде, но не меньшую по площади. Комната блестела, как и весь дворец: везде золото, серебро, алмазы; кровать из драгоценного металла, по форме напоминающая золоченое раскидистое дерево. – Мне просто показалось, что...

Она не договорила. Повернувшись, Оливия увидела, что осталась одна.

Тарек не знал, что это – сон или явь. Все снова смешалось. Вымысел и пугающая реальность. Все как всегда с тех пор, как он вернулся. Призраки прошлого, когда-то забытые, вновь нашли ходы к его рассудку.

Сколько лет он провел посреди пустыни, где единственным средством защиты был меч. И все же там он не знал страха. Потому что там нечего было бояться, кроме смерти. Другое дело – дворец. Здесь все – сплошные мучения и пытки.

Тарек присел. Собственное дыхание жгло огнем, капли пота градом падали со лба. Потерянный в пространстве, он не знал, в какой части комнаты он находится.

Оказалось, он сидит на полу; голое тело частично прикрыто одеялом. Скинув его, он встал и принялся водить руками в темноте. Все чувства мгновенно пришли в боевую готовность.

Чуть привыкнув к темноте, Тарек подошел к тумбочке, взял с нее меч. Что-то было не так, но он не знал, что именно. Мысли вновь обратились в прошлое.

Насилие. Пролей кровь врага раньше, чем он прольет твою.

Вынув меч из ножен, Тарек поднял его над головой и направился к двери.

Оглушительный грохот пробудил Оливию от сна. Подскочив в постели, она прижала руку к груди – сердце ее билось с неистовой силой.

Звук повторился. Нет, это был не грохот, скорее скрежет. Удар металла о камень. Оливия встала с постели и тихо пошла по холодному мраморному полу. Ну конечно! Любопытство в очередной раз побороло инстинкт самосохранения.

Возле двери она остановилась, перевела дух и, осторожно щелкнув замком, высунула голову.

Дыхание Оливии замерло, когда она увидела блуждающую в темноте фигуру. Крупного мужчину атлетического сложения. Обнаженного. В руке он держал меч. Смертоносная изогнутая сталь сияла в лунном свете.

Она испугалась. В легкие будто откуда ни возьмись проник морозный воздух. Но в то же время Оливия была заморожена увиденным.

Темная фигура повернулась, от резкого движения длинные волосы описали полукруг.

Тарек.

Широкая грудь и крепкие мускулистые руки. Только такие могут орудовать столь внушительным мечом. Тарек скорее походил на скульптуру, чем на человека из плоти и крови. Как будто искусный мастер высек из камня идеального человека, а сумасшедший ученый оживил его.

Тарек вновь отвернулся и пошел обратно, вероятно, к своей спальне. Оливия наблюдала за ним, не дыша и не отводя глаз. Она видела, как, дойдя до двери, Тарек остановился, словно стражник – с оружием в руках, осторожный, всегда начеку.

Он вел себя так, словно не понимал, где находится.

Луч света падал на его голую спину, подчеркивая мускулистые плечи и поясницу. Теперь Оливия не смогла бы дышать, даже если бы захотела. Ее сердце забилося еще сильнее, кровь в венах закипала.

Она не знала, как это объяснить.

Она не была с мужчиной два года. Неужто инстинкт самосохранения оказался слабее не только любопытства, но и... другого инстинкта?

Тарек повернулся, и свет упал ему на лицо. На этот раз Оливию поразила не красота его лица, а мука, исказившая это лицо. Боль мучения.

Только сейчас она смогла закрыть дверь. Оливия повернула в замке резной ключ. Безопасность никогда не бывает лишней.

Подняв подол ночной сорочки, она поспешила обратно в кровать и укрылась с головой одеялом. Теперь она слышала лишь ускоренное биение собственного сердца и свое же сбивчивое дыхание.

Глава 3

Тарек чувствовал себя так, как будто не спал ни минуты. Странно, учитывая, что теперь он жил во дворце, а не в пещере и не в глиняной лачуге посреди пустыни.

Не прошло и получаса, как он встал с кровати, а к нему уже обратилось не меньше десяти помощников с вопросами и просьбами. Здесь все нужно всем и сразу, потому что никто не приучен ничего делать сам.

В пустыне утро Тарека начиналось с разведения костра, на котором он кипятил воду. Завтрак состоял из хлеба и каши из пакетиков, которые Тарек покупал у бродячих продавцов, пришедших к нему в пустыню раз в несколько месяцев.

Он привык просыпаться и чувствовать ритм нового дня. Едва проснувшись, он уже знал, какая будет погода и в какую сторону подует ветер. Когда брат нуждался в нем, Тарек выполнял опасную, кровавую работу.

Когда назревала опасность, Тарек уходил в бедуинские лагеря и решал с вождями, что нужно сделать для защиты своего государства. Остальные дни проходили в одиночестве.

Во дворце такое невозможно. Люди здесь постоянно ходят туда-сюда, задают сотни вопросов и снова шныряют по коридорам.

Тареку это не нравилось. Он привык выжидательно сидеть в засаде, а не указывать другим, что делать.

Местный завтрак казался ему слишком обильным и изысканным. Разнообразие сыров, фруктов, каши, мяса. Его брат всегда испытывал особую страсть к мясу. Тарек же давно уяснил: что нравится брату, то непременно связано или с коррупцией, или с моральным падением.

По мнению Тарека, еда – это лишь инструмент для выполнения задания. Еда – не больше чем топливо. А в качестве топлива куда лучше подходит кофе.

Он вошел в обеденный зал и увидел, что Оливия уже сидит во главе стола. На ее тарелке лежало не больше двух ложек каши, чашка кофе дымилась рядом. Оливия подняла глаза и улыбнулась. Это была красивая улыбка. Розовые губы, зубы ровные и белые.

Сегодня она нравилась Тареку больше, чем вчера. Вот только женщины ему еще менее интересны, чем еда.

– Доброе утро, – поздоровалась Оливия. Легкий румянец обогрел ее щеки, что почему-то обрадовало Тарека.

– Доброе, – ответил он больше из вежливости. Для него оно отнюдь не было добрым.

– Как спалось? – спросила Оливия.

– Не очень хорошо. Чувствую себя уставшим.

Оливия многозначительно кивнула:

– Не догадываетесь, почему?

Вспышка смутных воспоминаний пронеслась в голове. Ужас. Боль. Беспокойство.

Тарек потряс головой. Эти воспоминания, когда-то схороненные глубоко внутри, воскресли с его возвращением. После того, как Тарек нашел дневники брата.

И доказательства, что это Малик приказал убить их родителей. Это тайна, которую Малик ни за что не раскрыл бы брату. А люди Тахара знали о гибели короля и королевы от рук сына еще при его жизни. Правление Малика принесло людям бедность, голод и непомерные налоги за жизнь в городах без малейшей инфраструктуры.

Но убийство родителей – это еще не все. Дневники содержали целые хроники того, как Малик пытал Тарека. Чтобы сломать его. Чтобы превратить в простое, но смертельное оружие, используемое по первому приказу.

Если бы брат не скончался – видимо, от передозировки, – Тарек сам бы его убил после прочтения дневников.

Потому что Малик не сломал его. А сделал только сильнее.

Воля Тарека закалилась, в этом не было сомнений. Но каждая капля крови, пролитая Маликом из вен брата, впиталась в местную землю. И привязала его, а не Малика, к местному народу.

– Не нравится мне все это, – признался Тарек.

В ту же секунду к нему подбежала служанка:

– Могу ли я вам чем-то услужить, шейх Тарек?

– Кофе, – проворчал Тарек. – И хлеб.

Служанка взглянула на него так, словно опасалась за его психическое состояние. Но, не сказав ни слова, кивнула и вышла за дверь. В обеденной остались только Тарек и Оливия. Так и не сев за стол, Тарек принялся расхаживать по залу.

– Ты ведь знаешь, что я не спал?

Голубые глаза Оливии округлились, светлые брови взметнулись.

– С чего вы взяли?

Тарек стиснул зубы. Может, он и не разбирается в женщинах, но умеет понимать интонации.

– Я знаю, что скрывается за твоей маской спокойствия. Ты знаток дипломатии, но иногда твой голос дрожит. А еще у тебя острый язык. И если ты держишь его за зубами, значит, тебе есть что скрывать.

Лицо Оливии как будто потемнело. И странное, приятное чувство разлилось по телу Тарека. Новое, незнакомое.

«Удовлетворение», – мысленно предположил он.

А почему бы и нет? Всю жизнь он терпел только лишения. Не это ли награда за внезапную победу?

Но что получил он вместе с ней?

Был хозяином себе, повелителем пустыни, а стал несчастным, страдающим бессонницей психопатом. Тарек ничто не презирал так, как чувство беспомощности. А ведь именно бесполезным он чувствовал себя каждую минуту после возвращения в стены дворца. Так нужна ли она – такая победа?

– Вы лунатили, – неожиданно смело сказала Оливия. – Ходили во сне. Голым. С мечом.

Что-то было в этих словах, от чего Тарек почувствовал жар в груди. Это снова случилось.

Он опять делал то, о чем не помнил. Отсутствие самоконтроля. Тут есть о чем заволноваться.

– Я не помню, – резко ответил Тарек.

– Поэтому вы не отдохнули, – как ни в чем не бывало продолжала Оливия. – Может, все-таки присядете к столу?

– Мне некогда сидеть.

– Завтрак пойдет вам на пользу, – сказала Оливия и улыбнулась.

– Это было настолько смешно?

– Мы уже ссоримся, как муж и жена, – заметила Оливия. – Мой муж никогда со мной не завтракал. Он перекусывал чем-то жутко бесполезным еще до того, как я вставала, и уходил работать.

– К любому образу жизни привыкаешь.

– Маркус любил свою страну. Но по утрам он все делал в спешке, потому что часто загуливал допоздна. – Оливия грустно выдохнула. – А потом весь день старался наверстать упущенное. Он был слишком молод, чтоб справляться со всем в одиночку.

– Я не так молод, но тоже не справляюсь один.

– Сколько вам лет?

– Тридцать. По-моему.

Легкое непонимание отразилось на лице Оливии.

– Вы не уверены?

– Я потерял ход времени, – признался Тарек. – Мне никто не готовил торты со свечами.

Оливия нахмурилась. И Тареку показалось, что его слова расстроили ее уж слишком сильно.

– Никто? – переспросила она.

– Если кто-то и готовил, то это было в далеком детстве.

Когда были живы родители. Но воспоминания Тарека не уходили в такое далекое прошлое. Иногда... лишь иногда он вспоминал лицо отца. Такое серьезное. И честное. Он что-то говорил, но слов было не разобрать.

Хотя Тарек и не пытался.

– А мне всегда пекли торт в день рождения, – сказала Оливия. – Но мне редко было с кем его разделить. Лишь повзрослев, я стала выезжать куда-то с друзьями. И да, мне двадцать шесть лет, если вам интересно.

– Нисколько.

Тарек ответил честно. Если что-то и интересовало его в Оливии, то уж точно не возраст.

– Это нормально для человека, который и свой-то возраст не помнит, – подметила Оливия. – Сколько лет вы прожили в пустыне?

– Пятнадцать. Периодически я приходил во дворец, разговаривал с братом. Но редко оставался здесь даже на ночь.

Неожиданно Тарек поймал себя на мысли, что как будто начал сильнее любить мир. Теперь, когда в нем не было Малика.

– Сегодня с вами легче общаться, – призналась Оливия.

– Мне приятней жить совсем без общения.

– Скучаете по одиночеству?

Тарек нахмурился:

– Нет.

– Этой ночью вам что-то снилось?

Он попытался вспомнить, но разум снова окутал туман.

– Это был не сон. Что-то другое. Меня разбудило нечто.

Тарек знал, что это была боль. Боль воспоминаний. Но говорить об этом вслух не стоит. Дверь зала открылась, и вошла служанка с дымящимся кофейником и корзинкой булочек.

– Может, хоть сейчас присядете? – предложила Оливия.

И в этот момент пришло озарение. Тарек вдруг понял, что удивляло его в Оливии.

– Ты меня не боишься? – спросил он, отодвигая кресло от стола.

Он сел там, где служанка поставила кофейник и сейчас наливала ему чашку кофе.

– Ночью я испугалась, – призналась Оливия. – Потому что вы были с мечом.

Резкая, жгучая боль пронзила грудь Тарека.

– Я не сделал тебе больно?

– А вас бы огорчило, если бы сделали?

Его не смутил этот вопрос.

– Я серьезно отношусь к защите женщин и детей.

– Слова не мальчика, но мужа, – улыбнулась Оливия. – Но все же, почему вы ходите во сне?

Отчаяние обжигало Тарека изнутри.

– Я не знаю, – ответил он сквозь стиснутые зубы. – Откуда, черт возьми, мне знать причину?

– Не нужно злиться. Я сама полгода принимала снотворное после того, как... – Оливия запнулась, сглотнула, и Тарек заметил, как дыхание ее сбилось. – В общем, иногда уснуть не так уж просто.

– Я не принимаю снотворное.

– Даже если я смогу вас убедить?

– У тебя на это двадцать девять дней.

– Тридцать, – возразила Оливия.

– Двадцать девять.

– Вчерашний день не считается, ведь...

– Двадцать девять, – перебил Тарек.

– Если вы намерены во всем со мной спорить, как я смогу вам помочь?

– К твоему сожалению, у меня не покладистый характер.

Оливия встала и уперлась ладонями о стол:

– К вашему сожалению, у меня тоже. – Она расправила плечи и вздернула подбородок. –

И вообще, вам нужно подстричься. И побриться. И купить костюм.

Тарек ухмыльнулся:

– Это срочно?

– Да, раз у меня всего двадцать девять дней. Это наш план на сегодня.

– Мне кажется, тебе это нужно больше, чем мне. Оливия скрестила руки на груди, и этот жест не остался без внимания Тарека.

– Я задалась целью, господин шейх. А меня научили добиваться своей цели. – Она выдохнула. – В общем, так. Сейчас мне нужно сделать пару звонков. Встретимся в вашем кабинете через полчаса.

С этими словами Оливия вышла из-за стола и пошла к двери. Тарек снова остался один.

Глава 4

Оливия боролась с желанием принять успокоительное перед тем, как пойти в кабинет Тарека. Но нет, надо самой справляться с приступами паники. К счастью, сейчас тревога наступала ее только в самолетах. И еще при виде голого мужчины с мечом посреди ночи. Однако в этом случае тревога была не единственным чувством.

Но сколько можно вспоминать его обнаженным? Она его совсем не знает. Понятно, что с этим человеком не оберешься проблем. Он и впрямь больше зверь, чем мужчина. С другой стороны, как иначе, если одна из целей их потенциального брака – рождение наследника?

В сексе как таковом Оливия не видела ничего плохого. Секс – одна из составляющих супружеской жизни. Причем одна из самых приятных. Глупо питать иллюзии, что в браке с Тарексом ее ждет воздержание. Два года целомудрия после смерти Маркуса – более чем достаточно.

Не додумав последнюю мысль до конца, Оливия постучала в дверь.

В теории все всегда просто, другое дело – практика.

– Открыто, – раздался изнутри грубый голос.

Оливия толкнула дверь и вошла. Дыхание замерло в груди, когда она увидела его у стола в позе командира – со сложенными за спиной руками. Тарек умеет произвести впечатление. Сейчас ей нужно просто признать этот факт и двигаться дальше.

– Я вошла, – доложила Оливия, театрально взмахнув рукой. – Предлагаю сразу перейти к делу.

– Я согласен слушать тебя в деле моего окультуривания. Но это не значит, что тебе дан полный контроль надо мной.

– Только на ближайшие двадцать девять дней.

Тарек хмыкнул себе под нос, а Оливия подумала, что за неполные два дня это его первое проявление смеха.

– Нет. Если ты и впрямь станешь моей женой, уясни себе сразу. Я не знаю, как было у тебя с мужем. Но со мной ты будешь именно женой, а не начальником.

Оливия выставила вперед ладони.

– Я не собираюсь вами командовать. И еще, я не хочу никак обсуждать мой первый брак.

– Ты говорила о нем сегодня утром.

Оливия вздохнула:

– Если эту тему поднимаю я, то можно.

– Со всеми женщинами так тяжело? – вздохнул Тарек.

– Невыносимым мужчинам – да.

Взгляд его черных глаз оставался безразличным.

– Значит, дальше будет интересней.

– Это я вам обещаю. Надеюсь, во дворце есть ножницы и бритва?

– Не уверен. Сейчас узнаем.

Тарек подошел к двери кабинета, открыл ее и сделал один шаг в коридор. Затем выкрикнул какое-то слово – имя служанки или приказа, Оливия не знала.

– Что вы хотите? – спросила она.

– Узнать, есть ли бритва.

– Для этого у вас телефон на столе.

– Об этом я не подумал, – как ни в чем не бывало ответил Тарек и вошел в кабинет. Подойдя к столу, он принялся осматривать стоящий на нем телефон.

– Не знаете, как им пользоваться, – догадалась Оливия.

– Знаю, – сказал Тарек, но голос его прозвучал неубедительно.

– У меня есть идея получше. Пойдемте в ванную комнату. Уверена, там мы что-нибудь найдем.

Оливия направилась к ванной, но, не услышав сзади шагов, остановилась.

– Вы идете?

Она по-прежнему не слышала ни звука позади себя, но ощущала жар и дыхание на своей шее. Эта близость и тепло произвели эффект горящей спички, брошенной в ворох сухих листьев.

– Я тебе не собака, а ты мне не хозяйка. Знай, что, чему бы ты меня ни научила, внутри я останусь тем же. Уясни это хорошенько.

С этими словами Тарек стремительно вышел из кабинета в коридор. А Оливии потребовалось немало усилий, чтобы собраться с силами и восстановить нарушенное дыхание. Контроль над ситуацией был потерян.

Тарек шел по коридорам дворца, как недовольный экскурсовод. Оливия вскоре догадалась, что они возвращаются в то крыло, где находились их спальни.

Подойдя к своим покоям, Тарек открыл дверь ударом ладони и вошел. Оливия, придерживая дверь, проследовала за ним.

«Я тебе не собака», – вспомнила она его слова. – «А знаешь что? Я тоже тебе не собака».

Раньше ее собственная спальня в Алансундском дворце казалась Оливии чрезмерно огромной. Но спальня Тарека попросту приводила в священный трепет. Будучи королевой Алансунда, Оливия часто была гостьей самых разных правителей. Все их дворцы меркли в сравнении с резиденцией тахарского шейха.

Одна только спальня с массивной кроватью посередине была как целый этаж дома ее родителей. Ванная комната не была отделена от основной площади, и Оливия уже с порога увидела встроенную в пол ванну и зеркальные стены вокруг.

– Здесь действительно сложно найти бритву, – подметила она. – На такой площади можно потерять целую армию. Но если я была бы бритвой, то пряталась бы в шкафчике под раковиной. – С этими словами она направилась в ванную. В верхнем ящике шкафчика обнаружилась бритва. – Нашла! – торжественно воскликнула Оливия и, вытащив кожаный футляр, положила его на мозаичную столешницу вокруг раковины.

Повернувшись, она увидела Тарека, снимающего через голову футболку. Теперь единственное, что она могла делать, – это смотреть на него не только с широко открытыми глазами, но и с не менее широко открытым ртом. Она была заворожена. Его силой. Формой и рельефом его мышц. Цветом его золотисто-смуглой кожи, покрытой черными волосами. Он буквально искрился сексуальным, животным электричеством.

Оливия замерла, как загнанная лань. Она будто признала, что попалась в лапы хищника и ей уже не сбежать. Когда перед глазами побежали черные точки, Оливия поняла – подсознательно она готова упасть прямо перед ним и позволить ему делать с ней все, что он захочет.

Она резко набрала воздух в грудь и уперлась поясницей в столешницу.

– Стриптиз был необходим? – спросила она с легкой улыбкой.

Тарек посмотрел на нее сверху вниз, приподняв одну бровь:

– Да.

Не сказав больше ни слова, он открыл футляр и принялся вытаскивать содержимое. Его движения были неспешны, словно для него это лишняя трата времени и сил. И это зачаровывало. Каждый жест его был плавен, но будто отточен.

Оливия видела, как мастерски он обходится с этими острыми предметами. И еще, как он смотрит на себя в зеркало. Словно видит незнакомца, а не самого себя.

Только сейчас до Оливии дошло, что ее присутствие здесь совсем не обязательно. Но она была уже слишком слаба, чтоб уйти. А он ее не просил.

Это чувство пугало – понимать, что ты прикована к полу и не можешь делать ничего, кроме как смотреть на стоящего рядом мужчину.

Тарек прикрутил лезвие к ручке бритвы, отложил, включил воду и плеснул себе в лицо. Капли воды стекали теперь по его шее и груди. Во рту Оливии пересохло. Словно под гипнозом следила она за тем, как Тарек орудует бритвой. Даже с бородой в нем было что-то привлекательное. Теперь же, гладковыбритый, он был просто обворожителен. Его красота дикая, необузданная. Как красота пустыни. Сейчас его лицо казалось идеальным. Скулы, брови, все – от острого, как лезвие этой бритвы, носа до чувственного рта. Брови казались теперь еще гуще и чернее. Они подчеркивали глаза – теперь еще более глубокие, черные... и властные.

Неужели еще вчера она считала его некрасивым? Когда она изменила свое мнение? Сейчас или все-таки ночью, увидев его в лунном свете без одежды?

Закончив, Тарек снова набрал воды в ладони и смыл остатки пены с гладкой кожи. Он выпрямился и повернулся.

Перед Оливией стоял человек, которого она видела впервые.

Мокрые черные волосы спадали на широкие плечи. Волосы тоже нужно состричь, но уж это она не даст сделать Тареку самому.

Оливия шагнула к нему, а он не мог даже пошевелиться. Ее сердце билось так громко, что, если бы Тарек заговорил, она бы его не услышала. Она физически ощущала необходимость сократить дистанцию. Но знала, что лучше проявить нерешимость, чем женскую слабость. Хотя почему она должна скрывать свое влечение? Тем более к тому, чьей женой она хочет стать.

Она смотрела на Тарека, пытаясь понять его мысли. Искала в его глазах подсказку, что от него ждать. Но в них не было ничего, кроме бездны.

Разум напоминал, что, какой бы ни была цель, Тарек для нее – незнакомец. Что Маркусу она позволила себя поцеловать лишь спустя две недели свиданий. А разделила с ним постель уже с обручальным кольцом на пальце.

Но Оливия не хотела слышать голос рассудка. Потому что он говорил о той девочке, которой она когда-то была. А не о женщине, которой она стала.

И Тарек – мужчина, а не юный студент. Ее тянуло к нему, как женщину тянет к мужчине.

Она подошла и коснулась его щеки. Провела пальцем по линии подбородка. Сейчас его кожа была совсем гладкой, и прикосновение к ней окончательно дурманило голову.

– Так намного лучше, – томно протянула Оливия, еще сильнее сокращая дистанцию.

Ее сердце рвалось наружу, груди до боли налились желанием, соски набухли под тканью восточного платья. Ладонью другой руки она прикоснулась к его мускулистой груди. Он был горяч и напряжен. Она хотела провести ладонью ниже, по кубикам его пресса. И еще ниже. Но вместо этого ощутила, как внезапная неведомая сила отнесла ее на два шага назад.

Черные глаза пугающе горели. Грудь, которую она только что трогала, вздымалась в учащенном ритме.

– Что ты делаешь, женщина?

Был ли это снова голос рассудка или голос Тарека? Возможно, и то и другое. Действительно, что она делает? С чего она взяла, что ему это нужно?

Машинально Оливия прижала руку к собственной груди. Но почему она должна стыдиться своих действий? Если они все-таки поженятся, им придется стать ближе. Да и вряд ли она сможет прожить всю жизнь, подавляя свои желания. В душе Оливия сама удивлялась, что незнакомый мужчина может так ее возбудить. Но она была возбуждена. До предела. И это радовало ее. Стать женой мужчины, которого не хочешь, – мрачная перспектива.

– Я вас трогаю, – уверенно ответила Оливия. – Что в этом странного?

– С какой целью?

Она смотрела на Тарека с непониманием:

– Мне так захотелось.

– Не надо меня трогать.

– Если мы поженимся, это может стать проблемой.

– Если мы поженимся, мы это обсудим.

– Но это неправильно, – возразила Оливия. – В нашем веке такие вещи обсуждаются до свадьбы. Или вы думаете, что наш брак будет лишь на словах?

– Это не может быть брак на словах. – Отвернувшись, Тарек пошагал обратно в центр комнаты и нагнулся, чтобы поднять футболку. – Все должно быть зарегистрировано на бумаге.

– Я не про бумаги, а про супружескую близость. Тут крайне важны сексуальная химия и совместимость.

– Важны для вас, а не для меня. Из чего я снова делаю вывод, что этот брак выгоден только вам.

Оливия не знала, что сказать. Это была игра в одни ворота.

– Да, мне это важно, – просто ответила Оливия, не желая прекращать разговор на такой ноте.

– Я тебя понял, – сказал Тарек и поправил футболку.

– Что поняли?

Она действительно не понимала его логики. Ей казалось, что мужчина не может столь безразлично реагировать на прикосновения женщины. Не то чтоб у нее был в этом большой опыт. Маркус пока что был ее единственным любовником. Но в старших классах она много флиртовала с парнями. И всегда с успехом. Уж привлечь к себе мужское внимание Оливия умела.

Так откуда сейчас это неприятное чувство, что ты стоишь, никому не нужная, и умоляешь обратить на себя внимание?

– Вы мужчина, и я ждала другой реакции, – призналась Оливия.

– Мужчины по натуре слабы. Они рабы своих желаний. А я не раб. Сейчас я глава государства. А значит, у меня не может быть личных желаний. Единственное мое желание – служить своей стране.

Оливии сделалось совсем не по себе. Будто внутри вдруг затянулся тугий холодный узел.

– Перейдем к стрижке, – предложила Оливия после недолгих раздумий. – И к одежде. Вам нужен костюм.

Ей было необходимо переключиться на что-то другое.

– Что не так с моей одеждой?

– Что носил ваш брат по разным случаям? Традиционный наряд Тахара или западные костюмы? Мне нужно понять, как составить ваш гардероб.

– Ты из тех, кому предложишь конфету, а они откусят руку, – недовольно проговорил Тарек.

Оливия широко улыбнулась. Сам того не зная, он попал в ее самое уязвимое место. Его слова можно считать своего рода сексуальной метафорой, комплиментом.

Но отказ всегда неприятен. Такова человеческая натура.

– Для этого я и здесь, – развела руками Оливия.

– Не важно, что носил брат. Я не хочу, чтоб нас сравнивали.

– С этого и начнем. Каким правителем вы себя видите?

– Нельзя быть королем для собственной радости. Я вижу себя королем, который служит, а не любит себя собой.

– Вы слишком часто говорите о службе.

– Ответственность за нацию – это служба, – ответил Тарек.

Оливия изучала его взглядом. Эти резкие, точеные линии лица...

– Если вы были не согласны с правлением брата, почему не сказали ему?

– После нашего уговора это было не мое дело.

– Какого уговора?

– Что, если он оставит меня в покое, я буду защищать наш народ, – объяснил Тарек, и тень пробежала по его лицу. – Мы оба соблюдали этот уговор. Он звал меня, когда ему была нужна помощь. А я помогал. Больше от меня ничего не требовалось. Но теперь я в другом положении.

– Теперь у вас есть власть. Быть шейхом – разве это не замечательно? – изумилась Оливия. И, не получив ответа, продолжила: – Так каким вы видите свой стиль?

– Мне нет дела до такой ерунды, – отрезал Тарек.

Оливия расправила плечи, провела рукой по своему белому платью.

– Вас будут оценивать в том числе и по одежде.

– Это мне известно.

– Уже хорошо.

– Но я хочу, чтоб народ оценивал дела, а не тряпки.

Оливия опустила руки. Каждый раз, когда Тарек начинал открываться ей, между ними вырастала стена.

– Тахар ступил в новую эру, – мрачно продолжал Тарек. – Теперь мне вести мой народ.

– Я вас поняла, – кивнула Оливия. – Что ж, раз вместе мы пока что умеем только спорить, я сама позабочусь о вашем костюме. До встречи.

С этими словами она вышла из покоев тахарского шейха и поспешила в свою комнату. Ей было нужно время подумать и побыть одной. А еще взять себя в руки. Потому что действовать столь глупо еще раз она не могла себе позволить.

Глава 5

Вернувшись во дворец из пустыни, Тарек хранил молчание. Молчание, граничащее с безумием. Прошла неделя с приезда Оливии, а с ее появлением атмосфера накалилась еще сильнее.

Итак, она дотронулась до него в ванной. Тарек не был настолько невинным и глупым, чтобы не понять этот посыл. Он видел, какой огонь горел тогда в ее глазах.

Но он принес клятву. Матери-земле и себе самому. Он – человек одной цели, а, значит, плотские удовольствия не для него. Одно дело – еда, она нужна для выживания. Но секс...

Брошенный в пустыню подростком, Тарек научился обходиться без секса. Свою жизнь он посвятил служению цели и теперь уже не помнил день, когда навсегда отказался от земных желаний. И если воспоминания еще возвращались к нему по ночам, то желания были давно уничтожены.

И все же, когда Оливия коснулась пальцами его голой груди, это произошло. Ему захотелось вкусить этот запретный плод. Посмотреть Оливии под одежду. Вот почему он отстранился от нее. Он вдруг ощутил такую слабость, которую не мог себе позволить.

Но Оливия была права. Если они и впрямь поженятся, супружеского долга ему не избежать. Как минимум ему нужен наследник.

Но нет ничего невозможного. Вопрос лишь в приоритетах. На днях, обдумывая план своей политики, Тарек понял, что главное – не обращать внимания на Оливию. При этом он действительно ощущал ее помощь и поддержку. Теперь он с трудом узнавал собственное отражение. В зеркале уже не было хищного зверя, недавно вернувшегося во дворец. Теперь в нем отражался некто, кого действительно можно представить на троне.

Да, избегать Оливию не так сложно, но как это сделать сегодня? В день, когда она будет подбирать ему наряды. Как какой-то кукле. Она настаивала, что одежда – это важно. И глядя, как она одевается сама, Тарек начинал ее понимать.

Оливия носила тонкие элегантные платья из дорогих тканей, плотно облегающие ее обворожительные изгибы. От нее сложно отвести взгляд, Тарек это понимал. Оливия и впрямь словно манила, призывала овладеть ею.

Двери спальни открылись, и внутрь вошла та, о ком он только что думал. С ней была еще одна женщина, которую Тарек раньше не видел. Женщина катила перед собой стойку на колесиках, увешанную одеждой.

– Это Серена, – представила Оливия свою помощницу. – С этого дня она официальный дворцовый стилист.

– Здравствуйте, – поздоровался Тарек с обеими женщинами.

– У нас есть ширма, за которой вы можете переодеваться, – сказала Оливия.

Тарек переводил взгляд с одной девушки на другую, не понимая, зачем ему нужно от них прятаться. «Вероятно, им самим так будет спокойнее», – решил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.